

Two sides of speech perception

The article deals with the issue of correlation of the perceptual and the rational in language. Perception of both oral and written speech is based on the sensory perception of the rhythmic picture of this or that speech extract. The authors assume that the rhythm is of the primary importance for speech perception. The research results may be used as the foundation for elaboration of foreign language teaching methods that take into consideration the system correlation of the perceptual and the rational.

Key words: *psycholinguistics, written speech, rhythm, speech perception, foreign language teaching methods.*

(Статья поступила в редакцию 09.09.2016)

Т.П. АКИМОВА
(Волгоград)

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ОНИМОВ В ЭПИСТОЛЯРИИ В.П. АСТАФЬЕВА*

Проанализированы особенности использования прецедентных имен в частных письмах В.П. Астафьева. Дано описание разновидностей прецедентных онимов, используемых писателем. Определены языковые средства, позволяющие актуализировать переносное значение онима, в результате чего имя приобретает свойства прецедентной единицы. Определена специфика употребления прецедентных имен в эпистолярном тексте.

Ключевые слова: *интертекстуальность, прецедентное имя, оним, частное письмо, имя собственное, эпистолярный текст.*

В современном языкознании активно исследуется феномен интертекстуальности, под которой понимается «включение в текст либо целых других текстов с иным субъектом речи,

* Работа выполнена в рамках проекта №16-14-34501 г(р) «Диалекты как экологическая зона языка. Всероссийская научная конференция, посвященная памяти профессора Р.И. Кудряшовой», поддержанного РГНФ.

либо их фрагментов в виде маркированных или немаркированных, преобразованных или неизмененных цитат, аллюзий, реминисценций» [4, с. 346].

С интертекстуальностью тесно связано понятие прецедентности. К прецедентным традиционно относятся тексты (в широком смысле), 1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях; 2) имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников; и, наконец, 3) такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности [7, с. 216].

Функционирование прецедентных феноменов в различных видах дискурса имеет существенные различия [2; 6; 10; 11; 12 и др.]. Актуальным направлением в изучении прецедентных текстов является анализ их использования в эпистолярном наследии писателей (в частности, А.П. Чехова [1; 3]), ученых [9], т. е. людей, внесших значительный вклад в развитие национальной культуры. Результатом подобных исследований становится характеристика идиостилия частной переписки, отражающая своеобразие той или иной авторитетной языковой личности.

Разграничивая разнородные прецедентные феномены, исследователи выделяют следующие их типы: прецедентные тексты, прецедентные высказывания, прецедентные ситуации и прецедентные имена (далее – ПИ) [5, с. 83]. Существует широкое и узкое понимание ПИ. Так, Е.А. Нахимова включает в рассматриваемые единицы как имена собственные, употребляемые в метафорическом значении, так и онимы, реализующие первичное значение: «... различия между двумя рассматриваемыми типами значения связаны с тем, что в первом случае слово связано с традиционным денотатом (референтом), а во втором – с совершенно иным денотатом (референтом)» [8, с. 50].

Другие авторы считают «индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, как правило, относящимся к прецедентным (например, Печорин, Теркин), или с прецедентной ситуацией (например, Иван Сусянин); это своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не собственно к денотату,

а к набору дифференциальных признаков данного ПИ» [5, с. 83].

Рассматривая ПИ в соответствии с последней концепцией, обратимся к выявлению специфики употребления имен собственных в контекстах, реализующих метафорическое значение и / или акцентирующих дифференциальные признаки онима. Материалом для исследования послужило эпистолярное наследие В.П. Астафьева, признанного классика современной русской литературы, носителя элитарного типа речевой культуры, обладающего «истинным мастерством владения языком, всем его богатством при соблюдении всех правил и ограничений» [13, с. 228].

В анализируемом материале в качестве ПИ используются преимущественно антропонимы, топонимы и (значительно реже) поэтонимы. Отмечено также использование прецедентного эргонима «Спартак», представляющего собой название футбольной команды.

В числе прецедентных антропонимов активно используются фамилии (в ряде случаев вместе с именами) знаменитых русских и зарубежных писателей (Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Лев Толстой, Достоевский, Бунин; Шекспир, Петрарка), глав государств (Иван Калита, Сталин, Хрущев; Муссолини), европейских политических деятелей прошлого (Кампанелла, Наполеон), отечественных военачальников (Бенкендорф, Блюхер, Тухачевский), артистов эстрадного жанра (Жванецкий, Никулин).

В отличие от текстов, функционирующих в средствах массовой коммуникации, в которых могут использоваться только прецедентные имена, известность которых имеет общенациональный характер [8, с. 54], автор письма может включать в текст, наряду с общеизвестными именами, антропонимы, называющие лиц, знакомых прежде всего адресату. В частности, в эпистолярии В.П. Астафьева в качестве ПИ нередко используются фамилии (в некоторых случаях – с именами) отечественных писателей – современников автора, многие из которых не известны широкой аудитории (Федор Абрамов, Белов, Бровман, Вампилов, Есин, Марков, Мерзлякин, Рубцов, Передреев, Сартаков, Сафонов, Георгий (Гоша) Семенов, Олжас Сулейменов). Кроме того, в функции ПИ используются как фамилии общеизвестных персонажей художественных произведений (Корчагин, Собакевич), так и имена менее известных (Яков из поэмы Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», Матрена из рассказа А.И. Солженицына «Матре-

нин двор», Митроха из повести В.П. Астафьева «Последний поклон»), а также имена героев художественных и документальных фильмов (Марья-большевичка, Яшка-артиллерист, отец Сергей), фамилии украинских политиков начала 90-х годов прошлого века (Драч, Павленко, Яворивский) и советского спортсмена, олимпийского чемпиона по боксу 1964 г. (Попенченко).

Подобным образом среди топонимов отмечены не только известные каждому жителю России названия стран (Израиль, Голландия) и городов (Воронеж, Красноярск, Ленинград, Париж, Ростов, Тула, Чернобыль), а также горы (Монблан) и реки (Енисей), но и знакомых далеко не всем городов (Бийск, Нурек, Шарытово) и реки (Сибла).

В эпистолярии В.П. Астафьева отмечены ПИ, обозначающие прецедентные ситуации без каких-либо материально выраженных сигналов, указывающих на прецедентность антропонима или топонима: *А на пути в вампиловский дом пробовал меня утопить погубитель Саши, Глеб Пакулов, забулдыга и безответственный человек, каких всегда на Руси было много и нонче немало. Это мы на лодочке вышли на волнорез, и Пакулов запаниковал, ожидал, что на выходе волна меньше. <...> Когда подвалили к берегу, он был бледен и мокр не только от брызг, но и от напряженности, я ему внятно сказал: «Тебе что, твою мать, Вампилова мало?!» (691)*; А еще последствия Чернобыля. Слышать и читать одно, но видеть... В войну Украина выглядела бодрее. Сейчас это подавленная, в трауре черных садов зона, оглушенная несчастьем, смурная, скорбная (436).*

Однако в большинстве примеров существуют языковые средства, позволяющие реализовать переносное значение ПИ. Анализ материала показал, что реализация в контексте непрямого значения рассматриваемых единиц, позволяющих отнести их к ПИ, в большинстве примеров осуществляется с помощью грамматических средств, а именно посредством включения онимов в сравнительные конструкции в качестве объекта сравнения и использования онимов в форме множественного числа.

Рассмотрим подробнее особенности употребления ПИ в составе сравнительных конструкций. Здесь можно выделить две группы сравнений: сопоставление и противопостав-

* Здесь и далее в круглых скобках указаны страницы цитируемого текста по изданию: Астафьев В.П. Нет мне ответа... Эпистолярный дневник 1952–2001 / сост., предисл. Г. Сапронова. 2-е изд., доп. Иркутск: Издатель Сапронов, 2009.

ление. Дальнейшая дифференциация внутри каждой группы производится с учетом того, кто / что является субъектом и объектом сравнения. Автор может сопоставлять с лицом, обозначенным ПИ:

а) адресата: *Знаю, каким трудом и мужеством тебе дается каждая строка. Таким же стилистом, равным тебе, был на Руси Гоша Семенов, да сгубил он себя горьким зельем, и ты уже не откликайся на зов друзей...* (543);

б) лицо, о котором идет речь в письме: *Я написал Жене письмо, в котором сравнил его с боксером Попенченко. Уж он если поймает мысль какую, або идею, пока ее к канатам не прижмет, не добьет до нокаута – не отпустит* (197).

Автор может противопоставлять лицу, обозначенному ПИ:

а) самого себя: *Я, к сожалению, не умею защищать свои тексты и вещи словесно (видимо, надо быть Ф. Абрамовым, чтобы брать Вас за горло), ибо полагал и все еще, возможно, наивно полагаю, что дело автора говорить на бумаге* (280);

б) лицо, о котором идет речь в письме: *Погода была худая, угодил на похороны Леонида Леонова. <...> В почетном карауле отбывали повинность все большие инженеры человеческих душ вместе и во главе с Юрой-болтушкой, этим законнорожденным советским строем и соцреализмом мыслителем и вождем, умудрившимся столько вреда русской современной литературе нанести, сколько самому графу Бенкендорфу в свое время не удалось* (563);

г) группу лиц: *Среди этого сброда отдельные личности, редкие святые, себя забывшие труженики вроде отца Сергия из Чусовского прихода, фильм о котором мы смотрели (и плакали) вместе с Марьей* (505).

Прецедентные топонимы в высказываниях, включающих сравнительные конструкции, используются значительно реже, при этом могут использоваться как при неодушевленном субъекте сравнения, так и при одушевленном, ср.: *После обеда намечена поездка по Янцзы реке, и я, может, поеду, а пока наслаждаюсь покоем и прохладой, а в воздухе запах и смог, как у нас в Красноярске* (473); *Она (жена. – Т.А.) у меня вроде теперешней речки Сиблы, бежит ворочает все на своем пути, бурлит, полноводится, пытаюсь всем сделать добро, всех собою обмыть, обласкать, а потом успокоится и недоумеает – это чего же наделала то? А главное – зачем?* (212).

Приведем примеры употребления онимов в форме множественного числа, что акту-

ализирует определенный дифференциальный признак ПИ: *Получил последний номер «Очарованного странника» и с удивлением увидел хвастливое, самоздравное интервью с общественным деятелем Есиным... <...> Вы хотя бы из чувства брезгливости не пускали на чистые полосы своей пока еще не загрязненной газеты Есиных-то* (636); *Да, мы достойны, за малым исключением, того, чтоб Иванова–Белинская–Рыбакова Наталья витийствовала в журналах и представляла нашу литературу аж в Голландиях...* (437).

В ряде примеров топоним, используемый в функции ПИ, пишется автором со строчной буквы: *А вообще жизнь идет в деревне тихо, и никакие израильтяне тут не мешают бабам брагу пить, веники вязать, полоть в огородах и рано спать ложиться* (115); *Долгое житье в парижках вредно – уж очень несовершенной начинает казаться наша жизнь и страна...* (429).

Как видим, в контекстах, в которых используются синтаксические средства реализации того или иного дифференциального признака ПИ, основание сравнения так или иначе эксплицируется. В контекстах же, где дифференциальный признак ПИ реализован с помощью морфологических средств, основание сравнения, как правило, не эксплицировано.

В анализируемом материале антропонимы, употребляемые в форме множественного числа, нередко концентрируются в одном высказывании, выступая в роли однородных членов: *Слишком стремительно разлагается человек вообще и наше общество в частности, лишь бы удавалось заниматься самоутешением и самообманом, как прежде, и звереет, и подлеет человек еще больше, и это при наличии Толстых, Пушкиных и прочих Шекспиров и Петрарок* (302); *Видел как-то по телевидению заседание украинского парламента, и Кравчук, видимо, удачно сострил насчет москалей, так идейный гетман Иван Драч аж до уха пасть раззявил. Дужэ смийно! <...> Забыли драчи и павленки да яворивские о сибирском страшном ГУЛАГе, но генералы и маршалы помнят и цепи куют* (503).

В целом для эпистолярия В.П. Астафьева характерно использование антропонимов, объединенных по тематическому признаку, в рамках одного высказывания: *И литературе, подобной твоей, будет противостоять классическая русская литература и прежде всего литература. Вот и меня потянуло почитать после твоей прозы Бунина, Тургенева, Гоголя, прозу Пушкина, как тянет глотнуть чистого воздуха после душного помещения* (480); *Жуть*

меня берет, как подумаю, что скоро помрут Паустовский, Леонов, Никулин, Шкловский, а что взамен идет? (135); Если бы Вы знали, сколько по нашим сибирским шинкам и бардакам кривляется, воя под Пугачеву, Леонтьева, Понаровскую и прочая, прочая (591). Подобное употребление актуализирует дифференциальный признак (в первом примере – классики русской литературы; во втором – выдающиеся писатели, современники автора; в третьем – современные эстрадные исполнители), что позволяет рассматривать онимы, использованные в функции однородных членов, как пограничный случай ПИ.

Примеры такого использования в большей степени характерны для антропонимов, но встречается и перечисление топонимов, становящихся в результате такого употребления ПИ: *А я ведь назвал только часть безобразий и позора нашего. Есть еще Тула, Воронеж, Ростов и много-много других городов, битв и операций, о которых не хочется рассказывать, стыдно и позорно рассказывать* (421).

В письмах В.П. Астафьева топонимы в ряде случаев реализуют, наряду с денотативным значением, и коннотативное, что ведет к включению имени в разряд прецедентных. К приемам, позволяющим актуализировать коннотации прецедентного топонима, прежде всего относятся авторские рассуждения, эксплицирующие как общеизвестные, так и индивидуально-авторские коннотации ПИ, ср.: *Реестр, по которому я сдал бандероли, у меня, к сожалению, не сохранился, да если бы и сохранился, едва ли книги уже нашлись бы, но воровство моих книг, наверное, не первое и не последнее дело темных людей. И где воруют-то? В Ленинграде! В городе, который для меня, да и для всех русских и советских людей был и остается самым почитаемым в нашей стране городом, при одном упоминании о котором что-то светлое и святое поднимается в душе...* (499); *Вдруг целкнуло, и пилот сказал одно только слово: «Монблан». А я почему-то грустно подумал: «Господи, Господи, кончилась жизнь!..» Я и сам себе не сразу смог объяснить, да и до сих пор до конца не объясню, почему именно эти мысли явились при слове «Монблан». Наверное, оттого, что забрался туда, куда лишь по географической карте забирался и куда черти носили великого Суворова <...> скорее всего, слово «Монблан» поразило мое воображение в детстве, и я считал его чем-то запредельным, потусторонним. И вот достиг* (477).

Таким образом, в результате анализа употребления ПИ в письмах В.П. Астафьева установлено, какие разновидности онимов используются в эпистолярном тексте (преимущественно антропонимы, реже – топонимы), каковы источники прецедентности для данного автора (преимущественно – имена писателей). Также выявлены формальные признаки актуализации у имени собственного значений, позволяющих отнести его к ПИ (сравнительные конструкции, форма множественного числа онама, перечисление онимов одной тематической группы, а также авторские рассуждения, реализующие коннотацию онама).

Список литературы

1. Акимова Т.П. Особенности функционирования прецедентных текстов в русских частных письмах XIX–XX вв. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер. «Филологические науки». 2013. № 6 (81). С. 70–73.
2. Алексеенко М.А. Текстовая реминисценция как единица интертекстуальности // Массовая культура на рубеже XX–XXI веков: человек и его дискурс: сб. науч. тр. М.: Азбуковник, 2003. С. 221–233.
3. Арбузова В.Ю. Прецедентность в русском языке как лингвистический и культурный феномен (на материале научных и эпистолярных текстов): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Липецк, 2007.
4. Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. СПб.: СПбГУ, 1999.
5. Захаренко И.В., Красных В.В., Гудков Д.Б., Багаева Д.В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. / ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: Филология, 1997. С. 82–103.
6. Зырянова И.П. Прецедентные феномены в заголовках российской и британской прессы (2005–2009 гг.): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Екатеринбург, 2010.
7. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
8. Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2007.
9. Парсамова В.Я. Языковая личность ученого в эпистолярных текстах (на материале писем Ю.М. Лотмана): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Саратов, 2004.
10. Пикулева Ю.Б. Прецедентный культурный знак в современной телевизионной рекламе: лингвокультурологический анализ: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Екатеринбург, 2003.
11. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000.

12. Смулаковская Р.Л. Свообразие использования прецедентных феноменов в газетном дискурсе // Лингвистика: бюл. Урал. лингв. о-ва. Екатеринбург, 2004. Т. 12. С. 111–120.

13. Хорошая речь / под ред. М.Л. Кормилицыной и О.Б. Сиротининой. Изд. 3-е. М.: ЛИБРОКОМ, 2009.

* * *

1. Akimova T.P. Osobennosti funkcionirovanija precedentnyh tekstov v russkikh chastnyh pis'mah XIX–XX vv. // Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Ser. «Filologicheskie nauki». 2013. № 6 (81). S. 70–73.

2. Alekseenko M.A. Tekstovaja reminiscencija kak edinica intertekstual'nosti // Massovaja kul'tura na rubezhe NN–NHI vekov: chelovek i ego diskurs: sb. nauch. tr. M.: Azbukovnik, 2003. S. 221–233.

3. Arbutova V.Ju. Precedentnost' v russkom jazyke kak lingvisticheskij i kul'turnyj fenomen (na materiale nauchnyh i jepistoljarnyh tekstov): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Lipeck, 2007.

4. Arnol'd I.V. Semantika. Stilistika. Inter-tekstual'nost'. SPb.: SPbGU, 1999.

5. Zaharenko I.V., Krasnyh V.V., Gudkov D.B., Bagaeva D.V. Precedentnoe imja i precedentnoe vyskazyvanie kak simvoljnye fenomeny // Jazyk, soznanie, kommunikacija: sb. st. / red. V.V. Krasnyh, A.I. Izotov. M.: Filologija, 1997. S. 82–103.

6. Zyrjanova I.P. Precedentnye fenomeny v zagolovkah rossijskoj i britanskoj pressy (2005–2009 gg.): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.20. Ekaterinburg, 2010.

7. Karaulov Ju.N. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost'. M., 1987.

8. Nahimova E.A. Precedentnye imena v massovoj kommunikacii. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. gos. ped. un-ta, 2007.

9. Parsamova V.Ja. Jazykovaja lichnost' uchenogo v jepistoljarnyh tekstah (na materiale pisem Ju.M. Lotmana): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Saratov, 2004.

10. Pikuleva Ju.B. Precedentnyj kul'turnyj znak v sovremennoj televizionnoj reklame: lingvo-kul'turologicheskij analiz: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Ekaterinburg, 2003.

11. Slyshkin G.G. Ot teksta k simvolu: lingvo-kul'turnye koncepty precedentnyh tekstov v soznanii i diskurse. M.: Academia, 2000.

12. Smulakovskaja R.L. Свообразие ispol'zovanija precedentnyh fenomenov v gazetnom diskurse // Lingvистика: бюл. Урал. лингв. о-ва. Екатеринбург, 2004. Т. 12. С. 111–120.

13. Horoshaja rech' / pod red. M.L. Kormilicynoj i O.B. Sirotininoj. Изд. 3-е. М.: ЛИБРОКОМ, 2009.

Functioning of precedent onyms in epistolary works by V.P. Astafiev

The article deals with the features of the use of precedent names in private letters of V.P. Astafiev. The variety of precedent onyms used by the writer is described. The author determines the language means that implement the figurative meaning of the onym, as the result the name has the features of a precedent unit. The specifics of the use of precedent names in epistolary texts are found out.

Key words: *intertextuality, onym, provide letter, precedent name, proper name, epistolary text.*

(Статья поступила в редакцию 10.10.2016)

Т.З. МАТИИВ
(Симферополь)

ТЕРМИН ПРОЗВИЩЕ И ЕГО ПРИМЕНЕНИЕ В ОНОМАСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Анализируется термин «прозвище», его определение и применение в исследованиях антропонимистов, а также в лексикографических источниках. Используются результаты толкования понятия «неофициальное личное имя», записанные автором от жителей некоторых населенных пунктов Крыма.

Ключевые слова: *прозвище, кличка, имя, антропоним, термин.*

В современной лингвистике наблюдается повышенный интерес к прозвищам, которые исследуются ономастологами с разных точек зрения: в плане лексико-семантической, словообразовательной и этимологической характеристик; влияния диалектной лексики на функционирование антропонимов в текстах речевой коммуникации; описания системы неофициальных личных имен в идиолекте носителя традиционной народно-речевой культуры; употребления неофициальных наименований человека в возрастных группах, а также в плане тематической и ареальной сегментации ономастического дискурса.